

КОНСТАНТИН ОБЕРУЧЕВ
В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

Литрес

Константин Михайлович Оберучев

В дни революции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=621485

Аннотация

Автору настоящих беглых воспоминаний пришлось пережить всю красоту революционного периода, видеть тот порыв, который объял всех с момента переворота, принимать участие в попытках строительства новой России и наблюдать, вместе с тем, то разложение демократических сил, которое началось в России под влиянием целого ряда причин и привело наконец к временному торжеству анархического большевизма, захватившему в последнее время власть. Когда я пишу настоящие воспоминания в тихом и уютном уголке безмятежной и не затронутой войной Швеции, там на моей родине восстал брат на брата, и в потоках крови грозит захлебнуться свобода, только что родившаяся в стране и не успевшая еще окрепнуть... В дальнейшем рассказе я буду излагать только то, свидетелем или участником чего я был сам. Пусть благодаря этому сузится круг моих наблюдений и читатели вместо полной картины российской революции во всем её огромном масштабе получают только один уголок этой мятежной жизни, но за то я могу им гарантировать, что рассказана и показана им будет правда жизни этого небольшого уголка.

Содержание

Годы изгнания. – В Швейцарии и Америке. –	4
Агония старой власти	
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Оберучев Константин
Михайлович
В дни революции
(Воспоминания участника
великой русской
революции 1917-го года)**

**Годы изгнания. – В Швейцарии и
Америке. – Агония старой власти**

Автору настоящих беглых воспоминаний пришлось пережить всю красоту революционного периода, видеть тот порыв, который объял всех в момент переворота, принимать участие в попытках строительства новой России и наблюдать, вместе с тем, то разложение демократических сил, которое началось в России, под влиянием целого ряда причин, и привело, наконец, к временному торжеству анархического большевизма, захватившего в последнее время власть.

Когда я пишу настоящие воспоминания в тихом и уютном уголке безмятежной и незатронутой войной Швеции, там на

моей родине восстал брат на брата, и в потоках крови грозит захлебнуться свобода, только что родившаяся в стране и не успевшая ещё окрепнуть.

За последние восемь месяцев жизни пришлось так много пережить, перечувствовать и передумать, что просто трудно остановиться мыслью на каком-либо эпизоде, какой-либо детали, чтобы осветить жизнь надлежащим образом, без риска запутаться, и вместо правдивой картины жизни дать эскиз в неправильном освещении.

В дальнейшем рассказе я буду излагать только то, свидетелем или участником чего я был сам. Пусть, благодаря этому, сузится круг моих наблюдений и читатели вместо полной картины российской революции во всём её огромном масштабе получат только один уголок этой мятежной жизни, но зато я могу им гарантировать, что рассказана и показана им будет правда жизни этого небольшого уголка.

Таковы мои обещания и таково моё искреннее желание.

Необходимое предупреждение. Я случайно остановился в Швеции, возвращаясь с копенгагенской конференции по вопросу об обмене военнопленными и улучшении их быта. Ехал я с товарищами по делегации после продолжительных бесед с представителями наших противников, во время которых выяснилось желание всех сделать возможно больше блага для этих несчастных жертв войны. Ехали мы с тем, чтобы возвратиться в Россию, чтобы там добиться от Временного Правительства скорейшего утверждения наших согла-

шений и скорее провести их в жизнь и облегчить тем самым участь обездоленных.

Но не удалось нам это. В столице России группа лиц совершила переворот. Правительство, поставленное революцией, и ведшее народ и страну к Учредительному Собранию, оказалось свергнутым, и нам некому докладывать, не от кого получать санкции на осуществление того, над чем все мы работали с верой в полезность нашей работы и надеждой на самое скорое проведение её в жизнь.

После этих необходимых замечаний я позволю себе приступить к рассказу.

Но прежде, чем начать повествование о красоте раскрывшейся перед народами России жизни, мне нужно остановиться несколько на периоде, непосредственно предшествовавшем революции, на годах моего невольного отсутствия из страны именно в то время, когда там назревали и подготавливались великие события.

Это время, годы войны, я провёл в изгнании.

О них пишу я не для того, чтобы знакомить читателей с моей биографией. Нет, это необходимо для того, чтобы многое из пережитого мною во время революции стало яснее читателям, незнакомым с обычными условиями жизни россиян.

Я вспоминаю свои юные годы. Ещё мальчиком я заинтересовался некоторыми явлениями общественной жизни и знал имена революционных деятелей того времени. Это было вре-

мя так называемого движения в народ, охватившего широкие круги русской интеллигенции. Молодёжь, полная веры в то, что наш народ, живущий в общине, полон социалистических настроений, пошла в деревню с проповедью социализма и призывом к иному устройству жизни, на новых началах, так хорошо знакомых народу, но ещё не оформившихся в его сознании. Имена этих глубоко преданных интересам народа людей сохранились в моей памяти с детских лет, и я был счастлив встретиться с этими светочами русской революции, дожившими до настоящих дней и принёсшими на склоне дней своих на алтарь революции всю свою веру в торжество правды на земле.

К юношеским годам моим, к тому возрасту, когда особенно открывается ум и сердце на всё светлое, мечтатели народники-социалисты были разгромлены и на развалинах их организаций народилась одна, чисто политическая партия – «Народная Воля», – деятели которой, хотя и исповедовали социализм, но считали необходимым вести с правительством борьбу прежде всего за политическую свободу родного народа, за создание в стране таких условий, при которых возможно свободное развитие народа.

Одним из методов борьбы, предлагавшихся деятелями этой партии, был захват власти путём вооружённого восстания и привлечения к этому войска, для чего в войске, среди, главным образом, офицеров велась усиленная пропаганда и создавалась специально военная революционная орга-

низация. Наибольшее развитие эта отрасль деятельности получила в начале восьмидесятых годов, после 1 марта 1881 года. Но в середине восьмидесятых годов, усердием предателя Дегаева военно-революционная организация провалилась, и среди офицерства произведены были крупные аресты. После этого процесс следовал за процессом, и во второй половине этого десятилетия от военно-революционных организаций «Народной Воли» ничего не осталось.

Идеями и методами борьбы «Народной Воли» я интересовался с юных лет. Во время же разгрома «Народной Воли» я был уже офицером в Артиллерийской Академии, и здесь нам, нескольким товарищам, пришла мысль возродить военную организацию. Это было в 1888 году, а в 1889 году мы все уже были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость.

Не буду описывать интересных переживаний в этой знаменитой тюрьме. Не в этом сейчас дело. После более чем полугодового сидения всех нас без суда разослали по отдалённым округам под надзор полиции и начальства. На мою долю выпал Туркестанский край, где я и провёл около десяти лет жизни в постоянных скитаниях с одного места на другое.

Наступил 1905 год, год революции. Я был тогда в Киеве, где благодаря некоторым политическим выступлениям (я примыкал тогда к социалистам-революционерам) разошёлся с генералом Сухомлиновым во взглядах на текущий момент, и мне вновь пришлось прокатиться в Туркестан; но теперь я

ехал уже с определённым готовым решением покончить с военной службой: начиналась полоса реакции и слишком много компромиссов она требовала от офицера, особенно штаб-офицера, каковым я был в то время. И после полугодовых скитаний по ширям и высям Туркестана (за полгода я проехал свыше сорока тысяч вёрст) вышел в 1907 году в отставку, чтобы отдаться любимому литературному труду, которым занимался ещё будучи на службе.

Здесь, конечно, жандармы и полиция не оставляли меня своим милостивым вниманием, и когда в 1909 году в частях корпуса, где я в 1904 году командовал батареей, были произведены аресты и создавалось дело о военно-революционной организации партии социалистов-революционеров, жандармы вспомнили меня и привлекли к суду. Суд в 1910 году оправдал меня, военный суд, судивший по законам военного времени с угрозой смертной казни, и это лишило возможности чиновника департамента полиции, ведшего следствие, добиться высылки меня в административном порядке, что он обещал во время следствия. Правда, что не удалось ему в то время, он успел исполнить в недалёком будущем. В поисках работы я приехал в конце 1913 года в Петроград и тут, благодаря усиленному вниманию охранного отделения, был вновь арестован, а точивший на меня зубы чиновник департамента полиции сумел моё «дело» представить в таком виде, что министр внутренних дел, Н. А. Маклаков, решил выслать меня административно, назначив местом ссылки Оло-

нецкую губернию, её северный Повенецкий уезд. Затем эта мера была изменена в смысле предоставления мне права выехать на три года за границу, без права возвращения в Россию до января 1917 года.

В начале 1914 года я выехал из Киева в направлении к Швейцарии.

Эту маленькую страну я выбрал для постоянного невольного пребывания потому, что мне представлялась она страной свободной, где многому можно поучиться. К тому же меня манила природа её: я так полюбил горы и прогулки в горах, когда был в Туркестане!

Русская граница у Александрово. Суровый допрос жандармского офицера. Тут же вручают мне заграничный паспорт, и я уже в Германии. На станции Торн мой документ почему-то обратил внимание германского жандарма и в то время, как всем моим спутникам были возвращены паспорта тут же в вагоне, меня потребовали на станцию и там долго не хотели меня отпустить. Их внимание было привлечено моим чином. Дело в том, что слова «отставной полковник» на немецком языке были переведены просто «оберст»¹, и, по-видимому, именно это обстоятельство, что к ним в феврале месяце едет зачем-то русский «оберст», и привлекло внимание пограничных жандармов. После долгих переговоров и настойчивых указаний, что я «отставной полковник», пришли мы, наконец, к благополучному разрешению вопро-

¹ нем. *Oberst* – полковник. Прим. ред.

са, и пропускной штемпель был, наконец, поставлен на моём паспорте.

Короткая, на несколько дней, остановка в Берлине, и вот я в Швейцарии, которая так манила меня своей чарующей красотой.

Ехал я в Швейцарию с тем, чтобы годами ссылки воспользоваться для всестороннего ознакомления с жизнью этой маленькой, но чрезвычайно интересовавшей меня республики. Я хотел погрузиться во все детали жизни её. Как социалист и сторонник уничтожения регулярных армий и создания милиции, и вместе с тем, как военный специалист, я начал своё ознакомление с военного дела и оригинальной постановки его в Швейцарии.

Мои русские друзья дали мне возможность подойти вплотную к военному делу и армии в Швейцарии. Вскоре после приезда, я уже посещал школу рекрутов пехоты в Лозанне, а также и ездил на занятия в школу рекрутов артиллерии.

Полны интереса были эти наблюдения, и тут-то я на практике убедился, что требования социалистов о введения милиционной системы организации вооружённых сил страны не являются угрозой для её существования; нет, милиция — это реальная сила, достаточная для обороны, мощная.

Здесь не место говорить об организации милиции и её значения, как вооружённой силы; но я не могу обойти молчанием один весьма любопытный эпизод.

Я был на стрельбе артиллерийской школы рекрутов в Биере. Это была всего четвёртая неделя обучения только что начавших изучать военное дело рекрутов. Тут же в числе присутствовавших оказался пехотный офицер подполковник одного из французских полков, расположенных по ту сторону Лемана, в Савойях. Само собою разумеется, мы заговорили с ним по жгучему тогда для французской армии вопросу о двух и трёхлетних сроках службы.

Он сразу отрекомендовался мне сторонником трёхлетней службы; я не скрыл от него, что я склоняюсь к двухлетней, если почему-либо нельзя прямо перейти к милиционной системе, т. е. такой, при которой от гражданина, обязанного защищать родину, требуется минимум затраты времени и сил для подготовки к этой тяжёлой и вместе с тем почётной обязанности.

Началась стрельба. Батарея, после месячной всего подготовки рекрутов и управляемая офицером милиции, в обычной жизни народным учителем, стреляла превосходно. Когда, после окончания стрельбы, начальник школы пошёл на батарею для разбора и замечаний, мы с подполковником, по понятной скромности, остались в стороне и тут делились впечатлениями. Он, как и я, был поражён виденным; но когда я ему указал на это, как на доказательство, что длинные сроки службы для действительной подготовки войск не нужны, он ответил обычной в таких случаях фразой: «Да в Швейцарии это возможно, а во Франции нет».

Но это между прочим.

Я усердно посещал школы рекрутов, бывал на проверочных мобилизациях некоторых частей войск, бывал на манёврах, и всегда выносил впечатление, что швейцарцы сумели создать свою сильную для обороны страны армию с минимумом отягощения для этой цели граждан. Правда, та интенсивность работы, которую мне пришлось наблюдать в швейцарских школах рекрутов, не может сравниться с бесполезной растратой времени при продолжительных сроках службы в России и, думаю, в других странах, где существуют регулярные казарменные армии.

Я хотел пройти все курсы швейцарской армии, чтобы возвратившись в Россию иметь право говорить о милиции, как вооружённой силе, не только в силу партийной программы и требования социалистических групп и книжного знакомства с нею, но и на основании непосредственного знакомства с постановкой дела обучения, организации, снабжения и т. п. той силы, которая называется народной милицией.

Я хотел в совершенстве изучить эту силу, чтобы явиться проводником её в русской жизни, как только явится к тому возможность, а в близость этой возможности я веры не терял, несмотря на мрачные дни реакции, которые переживала тогда моя страна.

Но случилось нечто, что прервало мои наблюдения. 1 августа разгорелся в Европе военный пожар, и мирная и покойная жизнь той маленькой страны, в которой я нашёл госте-

приимный кров, как изгнанник из родины, была нарушена.

Я помню первые тревожные дни, когда не был ещё решён вопрос, куда Германия направит свои полчища – на Бельгию или на Швейцарию. Двум нейтральным странам угрожала непосредственная опасность. И если после некоторого колебания Вильгельм направил свои войска на Бельгию, то в этом отношении сыграло роль не только то обстоятельство, что Бельгия является для Германии хорошим плацдармом для разворачивания своих сил против Франции и Англии, но ещё и то, что за два года до войны император Вильгельм был на манёврах и в Бельгии и в Швейцарии, и ознакомился с армиями той и другой страны, и признал большую силу сопротивления швейцарской милиции.

Я этим отнюдь не хочу сказать что-нибудь скверное относительно бельгийской армии. Нет, прожив в Бельгии за год до войны почти целый год, я успел полюбить эту страну, и когда её разрушали мне было особенно больно, ибо с каждым новым именем разрушенного города у меня было связано много личных воспоминаний. Что же касается армии, то её героическое поведение во время войны заслуживает только уважения и восторга. Но, ведь, это была регулярная армия, своими кадрами связанная с определёнными гарнизонами, а вследствие этого не столь подвижная и быстро и легко мобилизуемая, как швейцарская милиция. Кроме того, в 1912 году император Вильгельм был на манёврах в Бельгии и наблюдал осаду Льежа, причём от него и его штаба не бы-

ло скрыто ничего. А в штабе Вильгельма находился... тот самый генерал Эммих, который командовал войсками, направленными против Льежа: он знал крепость не хуже, чем её защитники.

Но возвратимся к Швейцарии.

Как только вспыхнула война, Швейцарии пришлось мобилизовать все свои силы, и она оцетинилась тысячами штыков против возможных противников. По понятной скромности, как только была объявлена военная мобилизация, я немедленно отошёл от швейцарской армии и больше к ней не подходил.

Как только вспыхнула война, естественно пришлось отойти от наблюдения обычной швейцарской жизни, так как вместе с войной явилась забота о своих русских, оказавшихся в тяжёлом положении, вследствие войны; в дальнейшем пришлось уделить много внимания нашим военнопленным, этим жертвам войны, нуждавшимся в помощи и внимании из заграницы, тем более, что старое правительство смотрело на пленных, как на изменников, и первое время совершенно не разрешало в России помогать им.

И вот, в процессе работы помощи нашим соотечественникам мне пришлось наблюдать ту великую гуманитарную роль, которую играла Швейцария во время войны с самого начала и до настоящего времени.

Достаточно сказать, что международное бюро розыска военнопленных, обслуживаемое более чем двумя тысячами

швейцарских граждан и гражданок, работающими совершенно безвозмездно, дало успокоение многим и многим тысячам обитателей воюющих стран и оказало помощь и поддержку пленным. Укажу на деятельность швейцарской почты, обслуживающей пленных и их родственников, пересылая всю их корреспонденцию, – миллионы писем, переводов и посылок, – совершенно бесплатно. Государство при этом несёт огромные убытки, и почтово-телеграфное ведомство, дававшее в былое время доход государству, в годы войны приносит дефицит и постоянно требует всё новых и новых ассигнований.

Вспоминаю с благодарной памятью и муниципалитет города Лозанны, который с первых дней войны пришёл на помощь россиянам тем, что дал в распоряжение комитета помощи семь квартир, которые были обмещены добровольными пожертвованиями швейцарцев, и дали возможность приютить нуждающихся в таком приюте россиян, прибывших из Германии и Австрии в первые дни войны. И много, много вспоминается мне случаев проявления лучших чувств со стороны швейцарцев к пострадавшему человечеству, и благодарная память об этом периоде пребывания моего в Швейцарии сохранится на долгие годы.

Беспристрастный историк своевременно разберёт и оценит этот период жизни швейцарского народа и его лучших порывов, а я перейду к дальнейшему рассказу.

Война началась, и я, профессионал-военный, хотя и от-

ставной, считал своим долгом запросить военные власти в России, нужны ли мои скромные силы и знания в настоящее трудное время, переживаемое моей родиной. И запросил, не скрыв при этом, что я административно высланный и не имею права въезда в Россию до середины января 1917 года. Возраст мой был таков, что службой я был обязан, а состояние здоровья не оставляло желать ничего лучшего.

И тем не менее русские военные власти не нашли возможным допустить меня к участию в защите родины на полях сражения, хотя им небезызвестно было, что даже будучи в отставке, я продолжал работать по военным вопросам, и статьи мои о стрельбе артиллерии регулярно печатались в официальном журнале артиллерийского ведомства, даже в годы войны.

Но таков был страх старого правительства перед призраком революции.

Рядом с делом помощи нуждающимся россиянам и военнопленным в русской колонии Швейцарии шла и другая жизнь. Надо сказать, что значительный контингент россиян, живущих в Швейцарии, составляют русские эмигранты, волею судеб и изволением начальства, пребывающие в тёплых и гостеприимных странах Запада, в частности и в Швейцарии. Война увеличила эту колонию пришельцами из Германии и Австрии, успевшими убраться оттуда и перекочевавшими в Швейцарию.

Интерес к текущим событиям и войне оживил эмигрант-

ские круги, и началась полоса рефератов. Тут-то мне пришлось вплотную столкнуться с теми людьми, которые в настоящую тяжёлую пору России являются главнейшими её деятелями, ведущими только что народившуюся российскую республику по пути, если не к гибели, то к неизвестности.

Одним из первых референтов был Ленин.

В середине августа в зале № 6 лозаннского народного дома, скромном зале, был назначен реферат Ленина – о причинах войны.

Интересуясь не только темой, но и самим лектором, которого я не видал ни разу, я, конечно, в назначенное время был уже на месте. Нужды нет, что мы, русские, привыкли всегда опаздывать и не жалеть ни своего, ни чужого времени. Я всё же в срок был у дверей зала № 6.

Долго пришлось прождать.

Наконец, начался реферат.

Преодо мной Ленин, тот Ленин, о котором его почитатели отзывались с такой похвалой, восторгом и особым почитанием...

Внешним видом я не был удовлетворён. Не было ни интеллигентности в лице, ни того энтузиазма в речи, который невольно заражает и внушает особое доверие к словам пророка.

Он начал доклад с оценки империалистических устремлений всех воюющих держав, причём всех решительно подводил под общий шаблон: и развитую экономически Герма-

нию, страдавшую от фабричного перепроизводства и отсутствия рынков, уже захваченных другими, ранее её пришедшими на арену истории и успевшими разделить новый мир, и Россию, экономически отсталую как в области производства, добывания сырья, так и в сфере переработки его.

Все они, по мнению лидера большевиков, вошли в империалистическую фазу капиталистического периода и, как таковые, все одинаково ответственны за настоящую войну, и все имеют одинаковые устремления. Это он объяснил в течение первых пятнадцати минут своей лекции, а затем в различных вариантах повторял ту же мысль. Мне стало скучно, но я не ушёл после перерыва, а остался дослушать до конца. Закончил он указанием на то, что мир уже созрел для социальной революции, и стоит только русским социалистам начать борьбу со своими капиталистами и повернуть против них свои штыки, как социалисты всех стран сделают немедленно то же самое. Таково было его убеждение, мне казалось, искреннее. Он не позировал, он говорил то, что думал.

Меня поразило слишком упрощённое мирозерцание этого лидера политической партии, которой придавали большое значение. И я объяснил это тем, что предо мной был человек ограниченный, не понявший и не желающий понять всей сложности современной жизни, всех нюансов и оттенков её, а отделивший для себя только один уголок её, – область элементарных экономических отношений, – и подменивший им всю жизнь во всей её совокупности. Приняв

часть вместо целого, он упростил, конечно, своё отношение к жизни, и, благодаря этому, выводы его теории производили впечатления чего-то стройного, ясного и понятного, что обеспечивало его формулам быть понятными и воспринятыми самыми широкими массами и массами наиболее некультурными. В этом, мне кажется, залог успеха его там, где не привыкли принимать жизнь во всей её сложности и упрощённые формулы дают как бы ключ к разрешению всех жизненных проблем.

Таков был Ленин, как он представился мне при первой встрече с ним.

Ещё сильнее моё мнение укрепилось, когда уже примерно года через полтора я в том же зале № 6 слышал его доклад об отношении к войне социалистов разных стран. Это было время страстной полемики между так называемыми социал-патриотами и так называемыми социал-интернационалистами. Я следил за этой борьбой в процессе её развития, и на собраниях и митингах, и по заграничной печати, и для меня не была новой точка зрения Ленина. Но реферат, который он прочитал на эту тему, был до нельзя скучен и недоказателен. Цитатами из газет разных стран он стремился доказать, что патриотическое настроение среди социалистов всех стран падает и растёт зато настроение интернационалистическое. Доказать этого ему не удалось, но суть-то дела не в том. Как симплификатор, он совершенно не мог понять того, что могли быть социалисты, стоящие на интернациона-

листической точке зрения, но, вместе с тем, не могущие же считаться с фактом войны и запутанности вопроса об отношении к ней с точки зрения обороны страны, находящейся в опасности. Он как-то совершенно не касался вопроса о том, что на собраниях интернационала вопрос об обороне родной страны затрагивался не раз и ни разу не был разрешён в отрицательном смысле. Наоборот, в программах всех социалистических партий стоял пункт об организации милиции для обороны страны.

Ограниченный кругозор, отсутствие гибкости и прямолинейность, доходящая до крайности, и вместе с тем отсутствие порыва, способного вас увлечь, – таковы черты Ленина, как он представляется мне по его докладам и литературным выступлениям.

Не таков Троцкий. Это человек весьма гибкого ума, ловкий и искусный полемист, легко отвечающий, правда, иногда в чрезмерной грубой форме, своему оппоненту. Его доклады, если не бывали глубоки по содержанию, то по форме они обыкновенно блестящи. Он не был в суждениях своих столь прямолинейным, как Ленин, и в то время, когда я был в Швейцарии, а затем в Париже, он не был ещё большевиком. Правда, в качестве меньшевика-интернационалиста и руководителя издававшейся в Париже газеты «Наше Слово», он занимал позицию, приближавшуюся к течению большевистскому настолько, что его партийным единомышленникам, с которыми он был вместе в Организационном Комитете, при-

ходилось выступать не раз против него, даже на страницах редактировавшегося им же органа. Вспомним хотя бы полемику его с Мартовым, не перечисляя всех несогласномыслящих. Повторяю, он не был в то время большевиком, но несомненно склонялся к нему по мере того, как на пути его публицистической деятельности в Париже французское правительство ставило препятствия.

Но даже тогда, когда он приехал в Америку, после высылки из Франции, он не был ещё большевиком, хотя склонность его к этому течению проявилась уже сильно, и обольшевичение его происходило там, не без влияния более молодых и менее заметных товарищей. Процесс обольшевичения вообще происходил как-то незаметно. И, например, теперь в рядах большевиков я встретил г. Чудновского, который в Америке не занимал ясно выраженной большевистской позиции: подчёркивая в беседах и в статьях в «Новом Мире» свой интернационализм, он резко отмежёвывался от большевизма, как такового.

И если прямолинейность Ленина и его твердокаменность в политике дают основания считать его просто узким фанатиком, то гибкость ума, да и не только ума Троцкого дают место предположениям иного порядка. Опоздав к революции, задержавшись несколько в Америке, Троцкий, ещё в 1905 году бывший председателем Совета Рабочих Депутатов в Петербурге и тогда вредивший его деятельности, он прикнул в России к тому течению, которое считало необходи-

мым «углублять» революцию, опираясь на шкурные интересы малосознательных, легко поддающихся гипнозу обещаний, солдат и рабочих.

Третий новоявленный министр, имя которого часто упоминается теперь в печати, как министра Народного Просвещения, Луначарский, как-то по недоразумению примкнул к политике. Он эстет, с развитым художественным чутьём и знает искусство, его теорию и историю. Он может быть хорошим художественным критиком, но в политике человек мало искущённый. Я вспоминаю его рефераты в Швейцарии на собраниях русской колонии. И если бы он не был охвачен доктринёрством до того, что стал договариваться до особого вида искусства – пролетарского, то лекция его по литературе и искусству могли быть даже интересны. Но, к сожалению, начиная с художественной критики и подчас тонкого анализа данного автора, он обыкновенно переходил к доктрине и освещал автора под углом зрения пролетарским.

Вспоминаю последний вечер, проведённый мною в швейцарской колонии перед экстренным отъездом моим в Америку. Здесь Луначарский предстал хорошим декламатором, частью чужих, частью своих собственных, к слову сказать – очень удачных, я сказал бы, красочных стихов, и его декламация оставила самое приятное впечатление: видно, что это его сфера, и здесь он хозяин. Но как только он с художественных высот спускается в прозу жизни, в политику, он начинает блуждать в потёмках и становится просто скучным, как

всякий профан, взявшийся вас поучать, не зная сам чему.

Я не буду вспоминать других встреч с представителями российской эмиграции, ныне выдвинувшихся в ряды деятелей русской революции, ибо довольно и этих трёх наиболее крупных современных персонажей. С другими, быть может, мы ещё встретимся в другом месте.

Я озаглавил настоящую главу, между прочим, «Агония старой власти».

Читатель спросит меня, почему же я ничего не говорю об этой агонии. Да просто потому, что она чувствуется здесь. В самом деле. Систематическое преследование и в административном и в судебном порядке такого более чем скромного и неопасного для существовавшего порядка политического деятеля, как я, и боязнь, доходящая до того, что в пору нужды в опытных офицерах, мне не разрешают явиться к исполнению своего долга, ясно показывают, что правительство было слабое и боялось собственной тени.

Мы жили в Швейцарии. А там, далеко, бился пульс русской жизни, страна переживала трагическую пору, а власть, как в свистопляске, издевалась над страной. Живые силы не допускались к работе, и всё руководящее её бралось из одного кладезя бюрократов. Уже в том факте, что одни лица оставляли министерство, чтобы через короткий промежуток вновь вступить в таковое, ясно проявлялся кризис власти, как таковой. А влияние Распутина и иже с ним на судьбы России? Это ли не знаменательно в смысле указа-

ния на то, что страна переживает внутри нечто трагическое, и что дальше так продолжаться не может. Страх власти перед революционными призраками чувствовался даже за границей, в Швейцарии. Все работники, помогавшие военнопленным, но не принимавшие участия в официальных правительственных организациях, были взяты под подозрение: и в этом сыске департаменту полиции помогали дипломатические представители России и органы, при них состоявшие. Сколько ложных доносов слали эти деятели в Петербург, а там учитывали всё и находили, что вместе с хлебом и молоком и рыбьим жиром, посылаемым людьми, живущими за границей, нашим голодным военнопленным идёт в лагеря революционная зараза, от которой надо уберечь пленных во чтобы-то ни стало. И нашему комитету, в конце концов отказали в праве получать из России деньги, и субсидировавший нас, как своего уполномоченного, Московский Комитет получил официальное уведомление от московского градоначальника, чтобы деньги нам более не посылать в виду революционного направления... того хлеба, который мы пакетами отправляли в лагеря военнопленных в Германии и Австрии. Равным образом, когда мы подняли вопрос об интернировании в Швейцарии наших туберкулёзных военнопленных, наравне с французами и германцами, русское правительство не решилось сделать этого, опять таки, боясь революционной заразы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.